

С СЕМЬИ НАЧИНАЕТСЯ РОДИНА I

*Спецпроект редакции газеты «ЭХО»

Исчезнувшие с карты

Деревня моя, деревянная, дальняя... Когда слышу слова этой известной песни, в памяти сразу воскресает моя родная, маленькая, но самая лучшая деревня Толстовск (поселок Толстовский). Она сейчас очень и очень дальняя, ее уже более 30 лет нет на карте.

Когда начали ликвидировать маленькие деревни, в их число попал Толстовский. Сначала закрыли школу, клуб, потом магазин. Людям ничего не оставалось, как уезжать, покидать свои дома.

Судьба раскидала нас по разным уголкам, но душа каждого тянется домой. Туда, где мы родились и выросли, где пошли в первый класс.

Первой нашей учительницей была Екатерина Григорьевна Ануфриева. Она пользовалась большим уважением в деревне.

Много достойных людей вышло из Толстовского. Среди них – врачи, юристы, учителя, инженеры, механизато-

ры, повара, строители.

Дети выросли, уезжали в город, а обратно возвращаться уже не хотели. Так постепенно опустели дома, опустела наша деревенька. Но осталось самое святое – могилы родных и близких нам людей. В Родительский день мы собирались на кладбище. Как все радовались этим встречам, обнимались, плакали...

Однажды договорились собрать побольше односельчан. Это был 1988 год. Ни когда не забуду этот день! Приехали земляки из Владивостока, Алма-Аты, Усть-Каменогорска, других городов. Бывший директор совхоза «Краснинский» Борис Леонидович Панов и председатель профкома Нина Ивановна Шевченко помогли накрыть стол, выделили автобус, чтобы привезти людей к месту встречи. Многие моменты легли на плечи Людмилы Васильевны Скобкаревой. Она и ее семья выросли

в деревне. Ее отец, Василий Николаевич Скворцов, в войну был председателем колхоза «Мир». Когда ушел на фронт, его место заняла жена, Ефросинья Григорьевна Скворцова. После войны Василий Николаевич заведовал фермой, председателем был Иван Иванович Семенов.

Людмила Васильевна Скобкарева 23 года отработала бригадиром животноводства в Пушкине, куда переехала их семья.

На фронт из Толстовского ушли 35 человек, вернулись 15. Среди них – Дмитрий Ралдугин, Илларион и Сергей Прибытовы, Иван Чуев, Егор Панов, Иван Лепилин, Михаил, Иван, Семен Семеновы, Николай Шишкин, Алексей Ковылов, Илья и Дмитрий Дорофеевы и другие.

Традиция жителей Толстовского сохранилась до сих пор. Один раз в два-три года мы собираемся на месте на-

шей деревни. К сожалению, все меньше и меньше приезжает людей на эти встречи, но каждый раз мы идем по «улице» с песнями нашей молодости, распевая их под баян. И всплывают в памяти дома, люди...

В сентябре 2017-го на встречу приехали 25 человек. И опять – прогулка по «улице», слезы радости, песни, воспоминания. Так не хотелось расставаться.

Когда мы возвращались на машине в Кемерово, мой брат, Николай Морозов, тихо плакал, уткнувшись в плечо своей жены. Не всегда получается из Владивостока прилететь на встречу, а чем старше мы становимся, тем сильнее тянут к себе родные края.

Зинаида Тарасова
(Морозова), г. Кемерово.

Дорогие читатели!
В 80-90-е годы XX столетия в Промышленном районе исчезли более 40 малых деревень, названия которых до сих пор на слуху у наших земляков.

Это Солоновка, Касимовка, Свобода, Александровка, Звонково, Усть-Искитим, Коровино, Букашкино, Новая деревня, поселки Сибирский, Островский, Гоголевский, Толстовский и другие.

Когда-то здесь кипела жизнь, рождались дети. Отсюда, встав на крыло, они улетали в города. Но, где бы они ни учились, где бы ни жили, их вновь и вновь притягивает к себе родная земля.

Чтобы не прервалась память нить, напишите нам, поделитесь своими воспоминаниями о далеком прошлом, о людях, с которыми довелось жить, работать и отдыхать. Пусть они навсегда останутся в истории Промышленного района!

Контактный
телефон: 7-40-97.

Бывшие жители Толстовского, встреча на родной земле в 1997 году.

Для Лефлеров вынужденная Родина стала родной и единственной

Известно, что в 1763-1775 годах в Россию из Германии переселились немцы для освоения новых земель. Они обосновались на берегах Волги. Возможно, именно в это время появился наш род.

Моя семья принадлежит к этнической группе «российские немцы». Адам Гооргович и Доротея Карловна Лефлеры жили в Нижнем Поволжье. Зажиточная, обеспеченная семья: ухоженный земельный участок, добротный дом, красивая мебель, изящная посуда.

Главное богатство семьи – пятеро детей: Генрих, Христиан, Фридрих, Александр, Амалия. Отец работал, мать воспитывала детей и занималась домашним хозяйством. В семье были сохранены немецкие обычаи и традиции.

Июнь 1941-го разрушил мирные планы всех граждан нашей страны. Но на долю немцев выпало еще одно, особое, испытание: депортация. «Шпионами» были объявлены все немцы Советского Союза: и немощные старики, и грудные дети.

Высылка... Для Лефлеров она началась в сентябре 1941 года.

«На сборы было дано 24 часа. Мы закрывали свои дома, выпускали домашних животных. С собой разрешили взять немного еды и вещей. А в погребках – море солений, в полях – щедрый урожай картошки, – рассказывала Доротея Карловна. – В один момент лишились всего... А что впереди?»

Погрузили в вагоны-«телятники». Из удобств – только солома на полу. Грязь, духота, теснота. Ехали впроголодь, чистая вода была редкостью.

Сибирь встретила холодом

Местом спецпоселения стал Барит-совхоз (в настоящее время село Голубево). Все семьи разместились в общем бараке.

У спецпоселенцев не было паспортов: не положено. Немцев использовали только на тяжелых физических работах. Жили голодно. Собирали оставшийся в поле мороженный и гнилой картофель, из него варили «болтушку». Весной 1942 года Адама Го-

орговича и 15-летнего Христиана мобилизовали в трудовую армию. «Трудармейцы» жили в особых зонах. Выход из них разрешался только в строю или по пропускам. На каждого заводили личное дело. За отказ от выхода на работы – расстрел. Отец и сын не вернулись из трудовой армии, пропали без вести...

Доротея Карловна осталась одна с четырьмя детьми: старшему, Генриху, – 10 лет, младшей, Амалии, – четыре года.

М е с т н ы е по-разному относились к переселенцам. Шла война, и слово «немец» часто ассоциировалось со словом «фашист». Приходилось терпеть и унижения, и обиды. Но все же большинство сибиряков помогали: приносили теплую одежду, еду.

Дети депортированных до 16-ти лет были на «посемейном» учете. После этого их ставили на персональный учет. Они уже считались «полноценными» спецпоселенцами. Выезд за пределы зоны поселения им был запрещен. Молодые люди не имели возможности поступать в учебные заведения, их не призывали на военную службу.

Выжили

Шло время. Переселенцы постепенно приживались, привыкали. Немецкий народ отличался необыкновенным трудолюбием, аккуратностью, терпением и сдержанностью. Никто не отчаивался, выживать помогала вера в лучшее.

Закончилась война. И русские, и выселенные немцы одинаково радовались общей победе над фашизмом. Правовые ограничения с немцев и членов их семей сняли только через 20 лет после депортации. Тогда появилась возможность вернуться на прежнее место жительства.

Семья Лефлеров осталась в Сибири. Никто из них не очерствел душой, не ожесточился, никто

не затаил обиды. Жернова истории не уничтожили любовь к людям, доброту и способность к состраданию. Нашлись силы начать обустроить жизнь на новом месте. Построили свой дом – скромный, но чистый, уютный.

У детей Доротеи Карловны появились свои семьи. Генрих стал электриком, Фридрих и Александр работали механизаторами. Все трое жили в Голубево.

Александр Адамович, мой прадед, был призван в ряды Советской Армии. После службы работал трактористом. За добросовестный труд удостоен ордена Трудового Красного Знамени. Он достойно воспитал сына, Владимира Александровича, офицера МВД России. Это мой дедушка.

Амалия получила медицинское образование, жила в Ленинске-Кузнецком. Все дети стали уважаемыми людьми. Сибирь они называли и считали своей родиной. А когда собирались вместе, обязательно пели народные песни на немецком языке.

Евгения ИГНАТОВА

Александр Лефлер с будущей женой Марией Яковлевной (справа).

Семья Лефлер.

Уроженцы Мариновки и Мирского встретились в Промышленной

Жили мы семьей на Украине, в селе Мариновка. Был красивый дом, большое хозяйство. Хорошо жили. Папа работал в колхозе, мама занималась хозяйством, детьми.

В первые дни войны, без объяснения причин, было принято решение переселить всех немцев.

Папу, Валентина Филипповича, и старшую сестру Полину (ей было пятнадцать лет) отправили в трудовую армию.

Нас, шестерых детей, с мамой, Кларой Касперовной, посадили в поезд и отправили в Сибирь. Мне на тот момент было 11 лет, самой младшей сестре Жене и года не было. Вещей взять путём не успели, так, кое-какую одежду, пуховые перины, подушки. Они и спасли нас в дороге. Мама закутывала нас в перины. На остановках поезда обменивала подушки на картошку.

Привезли нас в деревню Морозово. Есть было совсем нечего. Мама с братом Иваном нанимались работать в поле. Их там хоть раз в день, но кормили. Я с младшими оставалась дома. Ели мороженую картошку, которую собирали в поле, суп забеливали мукой. Брат Филипп пас коров. Одежды теплой никакой не было, он приходил весь замёрзший, плакал, чтобы не отправляли его. Но работать было нужно и мальчишке приходилось вновь идти на пастбище.

Муж мой, Рудий Яковлевич Гриб, тоже был репрессирован. Они с родителями жили на Украине, в соседней деревне Мирское, всего в одиннадцати километрах от нашей Мариновки. Во время репрессии его семью отправили в Пушкино Промышленного района.

С восьми лет Рудий пас скотину. Окончил семилетку. В восемнадцать лет пошёл в МТС трактористом. Когда МТС расформировали, работал трактористом в Краснинском. Потом его направили учиться на слесаря по ремонту сельскохозяйственной техники. Отучился и до 1993 года работал в колхозе в Краснинском. Самую сложную работу по ремонту техники доверяли только ему. Местные постоянно обращались за помощью. Как лучшего работника-передовика поощряли путёвкой на отдых. Даже за границу ездил. Был награждён орденом «Знак Почёта», медалью «За освоение целинных земель», юбилейной медалью «В честь столетия со дня рождения Ленина».

Была Моника – стала Маша

Отец пробыл в трудовой армии шесть лет. Вернулся весь больной и вскоре умер. Полина погибла в трудовой армии. Она написала матери, что пухнет с голоду, просила выслать деньги. Мама выслала, за эти деньги Полину и убили.

Брат Иван умер от воспаления лёгких. Филипп тоже умер. В живых остались только я, Мария, и сёстры – Катерина, Мария и Евгения.

Так получилось, что в семье оказались две девочки с именем Мария. До приезда в Сибирь у сестер были другие имена, немецкие. Чтобы здесь, в Сибири, другие дети нас не обижали, мама дала нам русские имена. Так Моника стала Марией, а Ева – Евгенией. А чтобы меня не забрали в трудовую армию, в метриках прописали год рождения 1930-ый. На самом деле я родилась 13 января 1929 года.

После окончания войны мы переехали в Промышленную.

Я устроилась на железную дорогу. Работа тяжёлая: таскали и шпалы, и рельсы.

На железной дороге познакомилась с молодым и красивым парнем, своим будущим мужем.

Родили маленького Ленина

А познакомились мы в Промышленной. После свадьбы жили в Пушкине, потом в Краснинском. Я занималась хозяйством, детьми. Хозяйство большое: птица разная, коровы, свиньи, овцы. Муж всё время на работе. В уборочную с комбайна по несколько суток не слазил. Всё хозяйство на мне было.

Дети у нас замечательные. Первенец, Владимир, родился в 1957 году, в 1960-ом – второй сын, Александр.

Старшего сына, когда он учился в школе, все звали «маленький Ленин». Вова с отличием закончил школу, с красным дипломом – Новосибирский технический университет. Там познакомился со своей женой. После института работал по распределению в Петропавловске инженером-конструктором. Потом уехали на родину жены, в Казахстан. В годы перестройки переехали жить к нам, в Краснинское. Год пожил с нами,

устроился на пивзавод в Калининко. Володе дали квартиру, с тех пор тут они и живут. У них дочь Катенька, внучка моя. В 2016 году умер мой муж и сын Вова со снохой Таней забрали меня из Краснинского.

Мария Грин с мужем и старшим сыном.

го к себе в Калининко. Здесь и живу по сей день.

Саша после школы пошёл в армию. Отслужив, вернулся в Краснинское, устроился в скорую помощь водителем. Женился. У них замечательная дочка Юленька. Она замужем, подарила мне правнуков – Льва и Есению. Они очень часто приезжают ко мне в гости.

Да, военное и послевоенное время было сложное, тяжёлое. Как все это забудешь? И захочешь – не сможешь. Но мы старались, жили, работали ради нашего будущего, ради будущего наших детей... Да и сейчас этим живём...

Мария Грин, с. Калининко.

СПРАВКА ЭХА

Первый «призыв» в трудовую армию проводился с сентября 1941 года по январь 1942-го. Под него большей частью попали мужчины-немцы призывного возраста.

Второй этап длился с января по октябрь 1942 года. Он охватил мужчин-немцев в возрасте от 17 до 50 лет.

Третий этап – с октября 1942-го по декабрь 1943 года – представлял собой массовую мобилизацию советских немцев, причем не только мужчин, но и женщин в возрасте от 16 до 45 лет, кроме беременных и имевших детей до трехлетнего возраста.

На четвертом этапе, который начался в январе 1944 года, произошло частичное облегчение условий жизни и работы для исполнителей трудовой повинности. Часть трудовых отрядов и колонн были ликвидированы.

IV В Семьи начинается Родина

Родом из Розовки

Эвакуированная из Запорожья семья Рихтер пустила родовые корни в Байраке

В цепкую детскую память Герты Рихтер на всю жизнь врезались события первых дней войны. Фашистские войска стремительно приближались к ее родной Розовке.

Семье Рихтер, возможно, повезло, что их в числе сотен русскоязычных немцев Запорожской области эвакуировали в Сибирь. Это случилось за месяц до оккупации. Да, их отправили на чужбину, но сохранили им жизни.

Розовка находилась под немецкой оккупацией с 10 октября 1941-го до 1943 года.

– Я хорошо помню первые дни войны, – делится воспоминаниями Герта Александровна. – Самолеты летали низко-низко, сбрасывали зажигательные бомбы. Свет включать не разрешали. Я плакала, боялась. Когда сообщили, что нужно готовиться к эвакуации, отца уже забрали в трудармию. Мы с братом остались с мамой. Мне было шесть лет, Гоше – всего годик. Помню, мама несколько дней колола кур, жарила их и укладывала в эмалированное ведро, заливая жиром. Предупредили, чтобы запасы еды готовили на неделю. Солдаты, охранявшие Розовку, не разрешали выходить на улицу. Вскоре всех погрузили на брички и повезли на станцию.

– Везли, везли нас... целых два месяца, – продолжают литься воспоминания. – Только как-то странно. Возьмут, подцепят наши вагоны к другому составу, и мы начинаем ехать в обратную сторону. Все радуются, дескать, домой возвращаемся, передумали в Сибирь отправлять. Потом вагоны снова перецепят и поезд начинает двигаться на восток.

На коротких остановках люди выходили из вагонов со своими кирпичами, на которых быстро готовили еду, набирали на станции кипяток и снова – в переполненный эшелон.

– Нас спасали те самые куры, – говорит Герта Александровна. – С нами еще ехала мамина сестра с двумя детьми и бабушка с дедом.

Наконец поезд остановился на станции Промышленной. По распределению семья Рихтер попала в небольшую деревеньку Касимовку, что недалеко от Прогресса. Здесь была своя молоканка. Ребятня в чайниках носила воду для охлаждения молака, взамен доярки наливали им сыворотку. Но, в такой голод и сыворотке были рады.

Герта с дочкой Мариной, 1964 год.

Во второй раз в первый класс

В школу Герте не пришлось ходить. Вернее, она пошла в первый класс, но вынуждена была бросить учебу. Не дали ей учиться:

– Нас же считали врагами народа. Бывало, идешь по улице, а в тебя не только дети, но и взрослые камни швыряют. Маму, как только мы приехали, сразу забрали в трудармию. Дед вскоре умер. С нами еще жили теткинны дочери – Арина и Зина.

Когда мама вернулась из трудармии, мы все вместе отправились в Байрак, где окончательно осели.

В 1944 году Герта наконец-то пошла в первый класс. Здесь, в Байраке, окончила начальную школу. Здесь работать пошла, здесь замуж вышла. С 16 лет каждый месяц ходила отмечаться в комендатуру. Ей, девчонке, было очень стыдно перед деревенскими, но куда деваться?!

В Байраке семья Рихтер построила из пластов зем-

лянку. Побелили стены, затопили печь и впервые за долгие годы скитаний почувствовали тепло домашнего очага.

Послевоенное время было особенно тяжелым, голодным. Приходилось вещи выменивать на муку. Женщины работали наравне с мужиками.

– Пожалуйтесь бригадир, – вспоминает Вакула, – а он: «Всем сейчас трудно».

Герте довелось силос возить, на копнителе стоять, дояркой работать. И огородницей, и свинаркой, и поварихой на лесозаготовках...

Мама Герты, Ольга Яковлевна, была огородницей, потом за овечками, птицей ухаживала. Долгое время работала телятницей. Прожила 103 года.

Отца, Александра Мартыновича, детям увидеть не довелось. Пришла похоронка, что он погиб в трудовой армии под Свердловском.

За всю свою жизнь Герта Александровна так и не побывала на своей малой родине, но ностальгия по род-

ным краям не мучила ее. Она покинула Розовку ребенком, наверное, не успела душой прикипеть. Второй родиной стал для нее Байрак.

Небольшая деревенька, раскинувшаяся по обе стороны автотрассы – Промышленная-Ленинск-Кузнецкий, особенно хороша летом. Когда цветут луга, зеленеют заросли тальника вдоль берега Ини, в лесу полно ягод. А природа щедра на лесные подарки: только не ленись, собирай.

– В годы перестройки колхоз на глазах стал разваливаться, скотные дворы разбирали, растаскивали. Тяжко было на это смотреть старым колхозникам, которые своими руками строили фермы, разводили скотину.

Сама Герта Александровна отработала в колхозе 42 года, из них 25 лет – на свинарнике.

Старейшей труженице было до слез обидно, что так легко разрушалось то, что колхозники создавали долгие годы.

Герта Александровна по-

любила скандинавские палочки. На прогулке обязательно доходит до бывшей фермы. Вспоминает прожитые годы, людей, с которыми работала, своих подружек. Многих уже нет на этом свете.

Последние десять лет Герта Александровна живет одна в уютном, ухоженном доме на улице Береговой. Из ее окна открываются дорогие сердцу байрацкие просторы. Бывшая колхозница перешагнула восьмидесятилетний рубеж, но сидеть сложа руки не умеет. Да и не собирается. Сама овощи выращивает, картошку. Сама на зиму готовит соленья-варенья. Не для себя старается... Знает, прибегут в гости внуки, правнуки. Дочки Марина и Антонида не оставляют маму без поддержки и внимания.

– Дочки, зятя, внуки у меня золотые, – уверяет Герта Александровна. – Они – моя главная радость!

Трудными выпали Герте из далекой Розовки детские и молодые годы. Теперь жизнь ей сторицей долги возвращает.